

Саша Филипенко: «Просто хочется быть людьми» | Sacha Filipenko: «On veut juste être humains»

Auteur: Заррина Салимова, [Цюрих](#), 28.04.2021.

Саша Филипенко в Цюрихе. Фото: Nashagazeta.ch

В интервью Нашей Газете писатель Саша Филипенко рассказал о творчестве, ситуации в родной Беларуси и том, почему из-за своей гражданской позиции опасается возвращаться в Минск.

|

Dans une interview accordée à Nasha Gazeta, l'écrivain Sasha Filipenko a parlé de son oeuvre, de la situation dans son pays natal, le Bélarus, et des raisons pour lesquelles il craignait de retourner à Minsk.

Sacha Filipenko: «On veut juste être humains»

Родившийся в Минске и уже много лет живущий и работающий в России писатель Саша Филипенко сейчас является гостем писательской резиденции в Фонде Яна Михальского. По его собственному признанию, Швейцария стала для него важной страной, в которой, он уже провел, в общей сложности, год жизни. Может быть, придется задержаться и дольше. Делимся самыми интересными моментами насыщенной беседы.

Саша, Вас часто представляют как лауреата «Русской премии», «Ясной Поляны», финалиста «Большой книги», «НОС» и других литературных премий. А как Вы сами относитесь к этим наградам?

Мне кажется, что награды всегда дают не тогда, когда тебе это нужно. Наверное, лет в 18-19 это было бы важно. Если писателю важны награды, то нужно сразу заканчивать. В России, например, по сути, нет книжного рынка, нет программ о современной литературе на телевидении и радио. Поэтому премия – это просто повод, чтобы о вашей книге заговорили. Если говорят, что книга что-то получила, то иногда читатель за ней тянется, так как считает, что это знак качества.

Свою самую главную награду я получил в этом году. Мне написали из тюрьмы в Беларуси, что книгу «Бывший сын» читают в камерах и передают из рук в руки. Я впервые в жизни подумал, что сделал что-то важное. А когда ты получаешь премию, ты думаешь, ну, так и должно быть. Это же очень странно. Как можно выбирать между двумя или тремя разными книгами? Я один раз был в жюри литературной премии для молодых ребят, и мне было очень сложно.

Все фото - из архива Саши Филипенко

Вашей лучшей наградой стал отзыв из тюрьмы. А что для Вас писательская удача?

Найти своего издателя, и мне в этом смысле очень повезло. У меня с Борисом Натановичем Пастернаком сложились отношения, которых нет у многих ребят, попадающих в большие издательства и становящихся винтиками в мануфактуре. Им выдают просто штатного редактора и штатного корректора. Мы же с издателем очень породнились за долгие годы. Он может мне позвонить и сказать: «У тебя здесь красивое предложение, вычеркивай его». Например, в книге «Красный крест» для нас было очень важно, чтобы художественная часть не «билась» с документальной, потому что в этой теме не нужно кокетничать. А мне как писателю, который иногда читает отзывы, в которых пишут «он не умеет писать и ничего красивого ни разу не написал», хотелось еще показать, что я могу. Обычно тебе звонит редактор, чтобы сказать, что у тебя все плохо и нужно переписать. А он звонил и говорил, что все хорошо – убирай.

Красивая фраза - это какая?

Красивая в смысле эссеистики. Какие-то убеждающие «набоковские» предложения, когда дух захватывает от того, что «грузовик был очень длинный и желтый». Я сейчас выступаю против такой литературы. Мне кажется, что задача писателя заключается в другом. Если тебе хочется красиво писать, напиши эссе. Писать красиво могут все. У меня в классе все девочки красиво писали изложения.

Это такой гендерный укол?

Мальчики просто не писали. Научиться красиво писать – это вообще не проблема. Все

эти «догорающие домики» Пришвина – это несложно.

В чем же задача писателя?

Вряд ли рассказанная история может что-то изменить, потому что это сизифов труд: ты пишешь, и все равно это ни на что не влияет, но можно открыть глаза. Как пример, есть писательница, от которой все в восторге сейчас. Она пишет про голод или лагеря, но на выходе получается книга о том, как славно было в лагерях, потому что в них можно было обрести любовь. Но я знаю еще несколько мест, где можно было обрести любовь! Мне кажется, это очень опасная штука. Она говорит, что решила написать книгу про голод, но провести читателя без потрясений и осторожно, чтобы он не почувствовал внутренней боли. А я в этот момент думаю, а зачем тогда вообще это делать? Мне кажется, писатель занимается чуть-чуть просвещением. С другой стороны, он делает работу, которую мало кто будет делать, например, проводить два года в архивах, работая над книгой.

Вы нередко обращаетесь к архивам и использовали реальные документы в книге «Красный крест». Расскажите об этом опыте работы.

Я выбираю какую-то тему, прихожу в архив, начинаю мучить сотрудников сотней вопросов, говорю, что мне нужен такой-то документ или нужно найти информацию об определенном следователе. С российскими архивами очень сложно работать, потому что все самое интересное засекречено. Например, я сейчас пишу про первого директора Московского крематория Петра Ильича Нестеренко. У него была невероятная судьба. Он родился в Царской России, воевал в Первую мировую, был за «белых» и за «красных», все время переобучался и каждый день за кого-нибудь нового воевал. Эмигрировал, был в Турции, вернулся в Советский союз, его завербовали, и он стал первым директором крематория. У него была «красивая» жизнь: по утрам он кремировал Маяковского, Горького, Орджоникидзе. А по ночам ему привозили трупы с Лубянки, и он подчищал следы расстрелов. Я прихожу в архив, запрашиваю его дело, а там некоторые страницы до сих пор – его расстреляли в 1942 году – закрыты конвертом. И в зависимости от политической ситуации и настроения архивиста, иногда закрыты разные страницы. Я знаю женщину, которая читала этот же документ десять лет назад, и там были закрыты другие страницы. Причем документы, которые доступны в Европе, потому что в ельцинскую эпоху они были открыты и отсканированы, сейчас опять запрещены. То есть вы можете в интернете наткнуться на документ, который является гостайной в России. И если захотят что-то такое придумать против вас... К слову, история с «Красным крестом» началась с того, что я год пытался попасть в архивы в России и найти переписку Красного Креста с МИДом. Мне не давали документы, и я подумал, что они могут быть в Швейцарии. Связался с ними, мне выдали документы, и я написал книгу, которая получилась реконструкцией шахматной партии, потому что я знал ходы черных и из них реконструировал ходы белых. Или наоборот.

К Вам сейчас приковано внимание немецкоязычных СМИ, потому что Ваш дебютный роман «Бывший сын» вышел, если не ошибаюсь, в Швейцарии, Австрии и Германии в немецком переводе. Готовясь к интервью, я прочитала в одной немецкоязычной рецензии, что Ваша «проза часто скатывается в журналистский очерк». Вас не «царапает» такая характеристика?

Я пишу только так, как я могу написать. У меня есть свой голос, и мне очень важно, чтобы люди, которые открыли мою книгу, поняли, что читали меня раньше. Для меня

важен ритм, и я не вижу ничего плохого в том, если пишу по-журналистски. Мне кажется, я знаю, о какой статье Вы говорите. Дальше автор склонялся к тому, что не раскрыты многие персонажи, что нужно было глубже копнуть. Это «достоевская» ерунда, мол, мы должны каждого персонажа развернуть. А для меня важно показать как раз, что персонажи очень простые. Это русская привычка – глубоко копать в зло, а оно очень часто простое и банальное. В «Красном кресте» и «Бывшем сыне» есть два персонажа, которые списаны с моего деда, примитивно устроенного пропагандиста. Когда пишут, что персонажи плоские и картонные – это штампы, но, наверное, если бы я был критиком, то тоже так бы писал.

К слову, о русской привычке. Вы себя считаете белорусским писателем?

Я пишу на русском языке, но не считаю, что русский язык принадлежит России – он принадлежит всем. Я считаю себя белорусом. Когда я получил одну из первых премий в Беларуси, мне намекнули, что дальше надо писать по-белорусски, если ты хочешь быть белорусским писателем. Но язык – это средство коммуникации, а не политический жест. Если ты в Беларуси говоришь на белорусском, значит, ты за все хорошее и против всего плохого, а если говоришь по-русски, значит, ты за Империю и прочее. Мне это кажется странным. У меня вся семья всю жизнь говорила на русском языке, но была пробелорусской – за белорусские ценности и независимость. Моя мама – русская, бабушка – русская, папа – наполовину украинец. Когда кто-то говорит, что он «чистый белорус», то я думаю, как интересно! Как будто еще до рождения эти люди выбрали, где им родиться. Кроме того, русская литература оказала на меня сильное влияние. Я 15 лет прожил в России, мой издатель живет в России. Я себя ощущаю, как белорусский футболист, который поехал поиграть несколько сезонов в Европе. Никогда не мыслил себя белорусским или русским писателем. Я всегда хотел стать европейским писателем, чтобы меня читали в разных странах.

Все фото - из архива Саши Филипенко

Вас, наверное, больше читают в Европе.

Да, тиражи в Германии выше, чем в России, но это заслуга издательства.

Нужно отметить, что Ваш роман «Бывший сын» переведен в очень подходящее время – на волне интереса к Беларуси. Как Вам кажется, чем отличаются протесты 2010 года, о которых упоминается в книге, от августовских протестов 2020 года? Почему люди вышли на улицы тогда и почему они вышли сейчас?

Я очень хорошо помню это ощущение. Я уехал из Минска где-то в 2003-м, когда закрыли Европейский гуманитарный университет, где я учился, и я помню, что я все время приезжал и видел жутчайший застой. Ничего не происходило. Был какой-то сюрреализм вокруг. Я не могу говорить за всех, но мне кажется, что людей, которые вышли в 2010-м, тогда объединяло ощущение, что если ты еще чуть-чуть в этом всем побудешь, ты начнешь верить, что это реально, начнешь верить в этих пропагандистов. Я в «Бывшем сыне» использую такой прием: в выпуске новостей беру отрывок из Евгения Замятина и цитирую напрямую, ничего не меняя. А белорусы, которые никогда не читали Замятина, твердо убеждены, что это обыкновенный выпуск белорусских новостей, потому что это ничем не отличается. Этот ход сработал – журналистский, может быть, как сказал бы какой-нибудь критик. Тогда было ощущение, что если ты сейчас не выйдешь на улицу и не увидишь таких же людей, которые не верят в это, то сам начнешь верить рано или поздно. Ни у кого не было иллюзий, что сейчас будет революция, что что-то поменяется. Ты выходил скорее для того, чтобы увидеть, что ты не сходишь с ума вместе с большинством страны. В 2010-м казалось, что мы спим в коме, а 2020 году было ощущение, что все, наконец, проснулись, что люди жили параллельной государству жизнью, а сейчас начинают жить отдельно, что все подустали. Потом началась сумасшедшая агрессия, и люди начали реагировать. Я думаю, что сейчас государство пытается сделать все, чтобы людей назад в эту кому вогнать. У нас происходят ужасающие репрессии, каждый день ребятам дают невероятные сроки. Хочется, чтобы это уже поскорее закончилось.

Сейчас многим белорусам, которые участвовали в протестах, выносят приговоры. Кому-то пришлось заплатить жизнью, а кому придется платить свободой следующие несколько лет. Как вообще пережить эту коллективную травму? У Вас есть рецепт?

Я не знаю. Я уже седой, у меня было много травм, и я все время пытаюсь отшучиваться, потому что это вроде бы спасает. Но это же вечный вопрос: можешь ли ты пить вино, зная, что Маша сейчас в тюрьме. И вроде бы ты каждый день пытаешься сделать то, что можешь. Я, например, всего лишь писатель. Я могу написать открытые письма, встретиться «за кулисами» с большими политиками и попытаться поговорить. Ты чувствуешь беспомощность и понимаешь, что мы выбрали, как мне кажется, единственный правильный вариант мирного сопротивления. А время идет, и все это время твои друзья сидят в тюрьмах – и ты ничего не можешь сделать. Нужно, наверное, каждый день придумывать новые способы сопротивления, давления на режим. Как с травмой разбираться – я не знаю. Я, наверное, самый травмированный человек на свете. Я по другую сторону от людей, которые могут рассказать, как разбираться с травмами.

Наблюдая за протестами со стороны, казалось, что перелом произошел после

того, как на улицы вышли женщины в белом и с цветами в руках. Люди начали выходить не с какими-то политическими требованиями, они выходили против несправедливости. Это был уже какой-то моральный протест.

Я все время об этом говорю: у нас не политическая революция. Это не борьба партий или «левых» против «правых». У нас не было также никаких экономических требований. У нас были морально-этические требования. Люди проголосовали, зарегистрировались Telegram, объяснили друг другу, как это делать, отправили свой голос и увидели, что их голоса подсчитали неправильно, что в них плюнули. Это было первое элементарное возмущение. За Тихановскую проголосовало так много людей, потому что это было протестное голосование, а не потому, что все ее очень поддерживают. Я до последнего не хотел ни за кого голосовать. Если бы были честные выборы, то так бы и сделал, потому что я думаю, что все политики – г.... И это было первое, что я сказал Тихановской, когда мы встречались в Женеве. Люди захотели просто честных выборов, на которых все решат, как дальше жить и что это будет за страна. Это вообще не про политику, а про то, что просто хочется быть людьми, чтобы к тебе относились как к человеку.

Мы узнали, что Вы сказали [Светлане Тихановской](#), а что бы Вы сказали действующему белорусскому президенту?

Мне почему-то кажется, что я бы попытался ему объяснить, но что ему объяснять? Человек находится 25 лет у власти, он живет в какой-то абсолютно своей реальности и, кажется, вообще не понимает, что происходит. Наверное, он искренне не верит, что люди хотят, чтобы он ушел. Или верит. Не знаю. Мне было бы интересно забраться к нему в голову, а там, наверное, просто перышко падает в пустоте.

Кроме писательской деятельности Вы также успеваете активно выражать свою гражданскую позицию. В частности, Вы написали открытые письма президенту Международной хоккейной федерации [Рене Фазелю](#) и президенту Международного комитета Красного Креста (МККК) [Петеру Мауреру](#). От проведения ЧМ по хоккею в Беларуси все-таки отказались, но расследовать обвинения в пытках МККК не спешит. Как Вы думаете, повлияли ли Ваши письма на что-то? Оставалась ли в Вас вера в международные организации?

Конечно, мы своего добились. Маурер прочитал книгу «Красный крест», потому что президент Швейцарии (я не знаю, кто тогда занимал эту должность) посоветовал ему ее. Ему очень понравилось, он встретился со мной, предложил выступить в Женеве и рассказать о книге. Я сказал, что мне интересно было бы говорить не о литературе, а о Беларуси: давайте вы войдете в белорусские тюрьмы! Я понимал, что Маурер скажет, что у них нет мандата. Но мы с юристами нашли, что в Бразилии, например, Красный Крест входит в фавелы без мандата. В общем, когда они понимают, что ситуация плохая, они это делают. А здесь они не хотят понимать, что ситуация плохая. Кроме того, Красный Крест занимается политикой в Беларуси, потому что представители белорусского отделения считали голоса на выборах: на каждом втором участке был представитель Красного Креста, который не заметил нарушений. Здесь начинается история про то, что «у нас горизонтальная организация, все сами по себе». Позже со мной неофициально встретились представители Красного Креста. Мы друг до друга донесли все, чего мы хотим, а белорусское отделение написало, что у них были лакуны в законодательстве, пообещав, что они больше не будут заниматься подсчетом голосов. Когда я пишу открытые письма (довольно

истеричные), то пытаюсь убить нескольких зайцев сразу и обратить внимание европейской общественности, которая постоянно забывает о том, что происходит. Когда я писал Рене Фазелю, меня интересовал не столько он, сколько то, что письмо будет опубликовано в Frankfurter Allgemeine, то есть его прочтут евродепутаты, и дальше начнется движение. Он может не ответить мне, но не может не ответить остальным, потому что редакции заново отправляли ему вопросы, которые я задавал. С Чемпионатом мира по хоккею у меня была стопроцентная уверенность, что его отменят, а от МККК хотелось, чтобы они вошли в тюрьмы. Они сейчас этого не делают официально, но неофициально пытаются и отправляют помощь.

Все фото - из архива Саши Филипенко

То есть подвижки есть?

Есть, просто это не так быстро. Когда оказываешься на Площади Наций в Женеве и видишь все эти палатки из разных стран, то ужасаешься, сколько всего кошмарного происходит в мире одновременно. Организациям, конечно, не до Беларуси, в которой, по их представлениям, все не так и ужасно. Для нас это катастрофа, потому что мы никогда не были в такой ситуации, а они считают, что если у нас не режут никого, то на общем фоне это не так страшно. Нужно, наверное, менять подход организаций и придумать что-то новое. Но для себя лично я сделал только хуже, потому что я сейчас не могу въехать в Беларусь вообще.

Вы это уже точно знаете?

Вроде бы там уже заводят дело. Пару дней назад в газете «Советская Белоруссия», которую читает президент, вышла [колонка](#) про то, что меня нужно привлечь к уголовной ответственности.

За что?

Я написал мальчишеский [пост](#) про то, как сборная Беларуси проиграла со счетом 8:0. Причем никто из футболистов не высказался по поводу протестов, а тех, кто высказался, в сборную больше не призывают. Знаете, со счетом 8:0 даже я могу проиграть. В газетной колонке есть пассаж про то, что еще до заведения уголовного дела мне нужно назначить наказание. Был и другой знак. Я недавно прилетел из Австрии на вручение премии «Ясная поляна», на паспортном контроле в Шереметьево у меня забрали паспорт и два часа его продержали. А у России единая база с Беларусью, и из Петербурга несколько белорусов уже выдали. Недавно еще отца вызывали на беседу. Я до сих пор не верю, что кого-то могу интересовать, и порываюсь поехать, но мне все говорят, что нельзя, и я головой это понимаю. Но мне очень хочется поехать – так скучно здесь.

Вернемся к причине, по которой вы сейчас в Швейцарии. Вы - гость писательской резиденции Фонда Яна Михальского в Монрише. Мы очень много писали о проектах Фонда, но хотелось бы услышать личный рассказ.

Мы решили это не политизировать и говорим, что это продолжение моей первой резиденции, что, конечно, не так. Я первый раз оказался там два года назад, просто прочитал, что есть такая резиденция, написал им, и меня пригласили на два месяца. Это совершенно чудное место: огромнейшая четырехэтажная [библиотека](#) и пять или шесть домиков, в которых писатели из разных стран могут жить и работать. Какая-то прекрасная жизнь – в горах, в тишине. Обедаем все вместе, разговариваем. Сын пошел в деревенскую школу в нескольких километрах от Монрише. Я гоняю на велосипеде, бегаю по утрам, работаю в библиотеке. Но это все равно все неродное.

Я очень люблю путешествовать и считаю, что людей после школы нужно не в армию отправлять, а заставлять путешествовать за счет государства. Это была бы другая страна, если бы мы больше путешествовали. Мне всегда хотелось жить в Минске и куда-то еще приезжать на полгода. Сейчас так получилось, что я могу путешествовать в ковидные времена, когда никто не может, но все равно чувствуешь себя, как рыба не в своей воде. Если ты – рыба, которая все время жила в черной

воде, то даже если тебя выпустят в самый чистый фонтан и идеальные условия, тебе все равно будет некомфортно, и наоборот. И я чувствую, что здесь все прекрасно, но мне хочется в Минск. В Монрише очень спокойно, наверное, был такой момент, когда мне нужно было здесь оказаться, но сейчас хочется какого-то «трэша».

[Женева](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/sasha-filipenko-prosto-hochetsya-byt-lyudmi>